

Анастасия Михайловна Водина – смоленская казачка
Лицарева Александра Федоровна, преподаватель колледжа «Царицыно»

Летом 2009 г. в станице Казанской Ростовской области помимо фольклорных текстов я записывала воспоминания о войне. Зайдя в дом Анастасии Михайловны, я ещё не знала, что буду беседовать с землячкой. Анастасия Михайловна плохо слышит, поэтому не сразу поняла, что разговаривает со смолянкой и некоторых уточнений можно не делать.

Ася (Анастасия) Михайловна Водина родилась 28 декабря 1918 г. в г. Рославле Смоленской области, с 1945 г. живёт в станице Казанской Ростовской области.

- Я родилась в г. Рославле Смоленской области, до Смоленска 120 км. В Рославле кончила фельдшерско-акушерскую школу. Это я давно-давно, в 35-ом, поступала в медтехникум в Рославле. Кончила в 38-ом году. И послали меня работать в Сычёвский район Смоленской области – это самый далёкий район. Вязьма, Смоленск – две пересадки я делала. Была я зав фельдшерским акушерским пунктом Карповского сельсовета. Домой ездила – никак не могла привыкнуть к селу. Всё-таки город от села отличается! А Смоленск – это такая бедная страна! И я ждала, когда закончатся три года, чтоб где-то пристроиться. В Рославле квартира ведь, родители мои (после войны только померли). А мы хотели с подругой в смоленский стоматологический институт. Нам бумажечку такую прислали, что на основании наказа СССР 1933 г. мы обязаны отработать три года в селе, а потом нас на 2-ой курс примут. Ой, как мы ждали!

И вот 22 июня 41-го внезапно объявили по радио... У нас радио только в сельсовете было. Война! Я была на медпункте в Сычёвском районе. Акушерка у меня была – Данилова Галина Ивановна. Долго я билась, чтоб акушерку мне дали. Скучно одной было, книги читала...

- Когда о войне передали, Вас сразу мобилизовали на фронт?

- 22-го война, а 24-го мне принесли повестку «Вы призываетесь сычёвским военкоматом в Сычёвку». Поехали мы с акушеркой туда. Школа сычёвская, вот не знаю, она десятилетка или восьмилетка... Нам говорят: вот здесь организуйте госпиталь. И сразу машины, машины приехали. Врачи из Смоленска и местные врачи сычёвские хорошие там были. Стали сразу через 4–5 дней раненые поступать! Надо уж им было перевязки делать, операции делать. И меня сразу назначили в этот госпиталь под номером 11-48. Полевой передвижной госпиталь легко раненых. Тяжёлых куда-то отвозили на машинах, на самолётах отправляли. Говорят, в Читку или ещё куда-то.

А там же и Москва близко была. Через Волгу – город Ржев, станция Гасула.

- Вы немцев видели?

- Немцев не видели, но знаем, что они шли прямым путём. Асфальтированная дорога была. В Бресте их там задержали. И они все на Москву! Техника-то какая у них

была! Знаешь? Мы видали! Танки мы видали. А в шлемах там мы не видали, кто сидел – лица.

- *А что говорили про Сталина, про Жукова?*

- Я хочу сказать, что попадали к нам раненые бойцы, офицеры. И только «за Родину, за Сталина; за Родину, за Сталина!»

Где терпела поражение армия, там Жуков появлялся. Это мы знали на фронте: опять там Жуков – на Белорусском направлении, на Украинском, на Брестском. Жуков не сидел на месте – его Сталин опять отсылал на все фронта, где терпели поражение наши бойцы.

Госпиталь наш разбомбили. В машины попали грузовые. И мы пошли. Невиль, Великие Луки, Ржев, Калинин. Это было в начале войны.

- *А дату первой бомбёжки Вы помните?*

- А всё время! Как война началась – и начались обстрелы. Всё время наблюдали! Самолёты бросали бомбы и на госпиталь, и на мирное население. И столько раненых было! Мы не успевали...

- *А когда эвакуировали госпиталь?*

- Примерно в конце июня эвакуировали.

- *А рассказывали в госпитале про подвиги?*

- Какие героические подвиги! Солдаты шли на смерть! Поэтому их ранили и убивали! Трупы, трупы лежали!

Дальше этот госпиталь продвигался: Ржев, Калинин, Рыбинск... В Рыбинске нас так разбомбили, что примерно из ста обслуживающего персонала осталось 11 человек. Станция Бологое. Госпиталь погрузился в поезд – это в Рыбинске. Бомбили каждый день и каждую ночь этот наш госпиталь. А в Рыбинске... Этот город всё только строился: новые здания, дворец культуры. А мы занимали детский санаторий. А видишь как – у них всё знали шпионы, где этот санаторий – и били наш госпиталь каждый день.

И вот так надоело нам носить раненых в бомбоубежище, что думаем: ой, пускай нас убьют лучше. И раненые тоже уже не соглашались: без конца...

Подали поезд. И нас посадили – и раненых тяжёлых и лёгких – всех – в этот поезд. На крыше – красный крест. А, знаешь, до этого было Женевское соглашение, что по красному кресту не стрелять. Да кто ж его принимал, это соглашение? Так бомбили наш поезд! Разбили! Всех медработников и раненых! Сколько там осталось? Хвост.

И повезли нас дальше в Новосибирск, город Салаир... Я чудом осталась жива. Вот Таня моя знает, невестка, без конца я в больнице в Казанке, без конца.

Упала на рельсу и повредила себе позвоночник. Только в 66-ом году попала к знаменитому профессору Сардову. «У Вас травматический радикулит. Но мы Вам ничем помочь не можем».

На рельсы упала и осталась жива я под поездом. А поезд пошёл в Салаир. Там оставили мы тяжёлых раненых. Пополнился госпиталь медперсоналом. Нас ведь мало осталось. То был Волховский фронт – с 41-го по 42-ой. Рыбинск, Переборы. А это II Прибалтийский фронт. Генерал Иван Христофорович Баграмян.

- *Когда Вы упали на рельсы, Вас сразу заметили?*

- Ну как же! Там же были живые люди! И в вагон. И я две недели не вставала. Перевязали простынью туго-туго. И я две недели только чай пила. Пока мы доехали до Новосибирска! Опять я видела красивый Новосибирск. Когда в Салаир попали, меня удивило, что не было светомаскировки. Мы ж привыкли только в темноте, чтоб немцы не видели: всё забито, ни огня нигде не было. Немного побыли и поехали обратно – II Прибалтийский фронт.

- *Техника у немцев лучше была, чем у русских?*

- Конечно! Они только не сумели перемолоть наше мясо бойцово!

- *А какого немецкого оружия Вы больше всего боялись?*

- Самолётов – хочу признаться. Откуда у них столько самолётов? Были и танки.

Госпиталь всё время работал. Восемь столов было – восемь хирургов – восемь операционных сестёр. Мы ж 70 % раненых бойцов на фронт возвращали. Раньше считала: 90 – 100 %, нет, 70. А операцию делать – всё бомбы, бомбы, снаряды, снаряды. Погибали и медицинские работники! Там всего было!

- *А пленных немцев Вы видели?*

- Видела. Была в госпитале. А где ж мы стояли? То в помещении школы, нам отдавали больницы, а то копали землянки.... Везде мы были. Вот не помню. Но это было уже в 43-ем. Два немца молодых, интересных. Взяли в плен наши. Вот мы едим из мисок. Такие мисочки были из консервных банок для бойцов. Мы уже к этому привыкли. И двух немцев пленных сажают за стол. А я немножко понимала по-немецки. И говорю старшине: мы как русиш свиньи. Вы в тарелках им дайте, а то они нас свиньями называют. Я говорю: «Ну и что вы теперь думаете про войну?» Они говорят: «Конец войне. Гитлеру капут». И куда-то их в штаб отвезли. Говорят: «Мы ещё будем агитировать немцев за русских». 43-ий год – это уже перелом большой-большой войны. Были в Шакай, Шяуляй, Сена, Войкова, Даугавпилс. Это я называю, где мы были: Латвия и Литва.

- *Как Вы попали в Казанку?*

- Это такая интересная история. Я же рославльская, смоленская.

Лежал у нас казак родом из станицы Казанской – Ерохин Семён Владимирович. И говорит: «За кого ж ты пойдёшь после войны? Уже никого не останется» Я говорю: «За какого-нибудь калеку. Возьму себе – и буду доглядывать. Я ж медработник».

Лежал долго в госпитале раненый. Потом второй раз лежал в 44-ом. Потом его выписали – на фронт. Он мне писал письма – я не отвечала. Зачем это? В 45-ом году госпиталь наш был – Елгава, а в скобках напиши – Митава. Долго мы там были. Дом большой был умалишённых. Все окна железом, решётки. Там располагался наш госпиталь.

Вот в 45-ом, 9 Мая, кончилась война. Все выбежали из госпиталя. У кого что было! У кого – только шапки бросали, а кто стрелял! Там другие были военные части. Это такая стрельба была, такой угар непостижимый! А 26-ого приезжает ко мне Семён Владимирович: «Ты сказала после войны. Вот я и приехал за тобой» Я говорю: «Да не может того быть!» «Может»

Приезжает Ерохин к начальнику госпиталя: «Я к Вам, товарищ начальник! Здесь моя жена. Мне она единственная из всех девушек. Фактически – она жена моя, юридически – нет. Надо демобилизовать!» «Демобилизовать будет военный комиссар. А пока помогите нам свёртывать госпиталь. Посмотрите, какая документация с 41-го. Никто ею не занимался» Себе в кабинет Ерохина – помогать. А он же у меня с высшим образованием – Ерохин Семён Владимирович. Помогал начальнику и ждал мою демобилизацию. А потом 29 ноября 45-ого говорит на меня: «Собирайся, пойдём!» «А куда?» «Не скажу. Это секрет» Я думала: фотографироваться. Он постучал. Девушка: «Ну что вы так долго? Мне пора уходить» Он вынимает мои документы – и всё. И она записывает свидетельство о браке. Какой тут брак? Тут такая неуверенность у меня в голове. Фамилию я свою оставила до сегодняшнего дня. Мы с ним 27 лет прожили. Он директор здесь был школы. Самый-самый красивый человек! Ну, это он молодой (показывает настенную фотографию), а я серенькая мышка. Это я его увидела не таким. Это в 37-ом году фотографировался. А я его увидела в 44-ом. Умнее его в Верхнедонском районе никого тогда не бывало.

Был тут Зернов Василий Григорьевич – секретарь райкома – в 45-ом и 46-ом, когда мы приехали. И он, когда приезжали из Ростова по какому-нибудь делу, приходил к нам среди ночи: «Семён Владимирович! Пойдём! Ты им лекцию прочитаешь! А лучше тебя никто в жизни не прочитает!» «На какую ж тему?» «На какую хочешь» «Пойдёмте! На международную прочитаю им лекцию»

- *А о войне Ваш муж что-нибудь рассказывал?*

Ему есть что рассказать. Его же в 39-ом, когда всех, кто не служил, в армию забрали. Год рождения – 1914. А война началась – он был в Речесле. Это Белорусский фронт.

Окружили их часть 216 6-ой гвардейской дивизии в Киселе. Генерал их армии вызвал: «Ерохин!» «Да!» «Знамя полка!» Он разделся, завязал знамя, телогрейку надел. «Неси в полк знамя полка!» И он с одним, Изулиным, понёс это знамя полка. Два месяца они шли по болотам. Питались грибами, ягодами. Докпаёк кончился. Всё-таки дошли.

- *А под каким городом их окружили?*

- Это не город, а речица. В местности их окружили. Там война шла без городов.

И Ерохин после войны нашёл этого генерала, когда уже был больной. Написал: «Вы мне дали знамя. Я знамя это в полк представил русский» Где это знамя? Он долго говорил: разыщу. Знамя это в Москве, где все знамёна после войны...

- *А ещё о войне Ваш муж что-нибудь рассказывал?*

- Интересно, как он считал, что ему большую награду дают. Уже отходила наша часть. Никто не мог переплыть Днестр. Один он переплыл с винтовкой, своей одеждой. Прицепил паром – и с той стороны, сколько там было наших людей, на эту переправил. За отвагу дали медаль. Ведь холодно было! А Днестр, говорит он, как Дон, даже шире.

А второй раз уже отошли все с боем. Один дзот немецкий остался окружён – большой-большой. И 16 человек послали взять этот дзот. Всех русских тогда перебили, 2 только остались. И тогда дали «За отвагу».

- *А какие Вам дали награды?*

- У меня – За боевые заслуги, За Победу над Германией и Орден Отечественной войны II степени. Вот мои награды. Нас там не очень награждали в госпитале.

- *А у Вас сохранились вещи, связанные с войной?*

- Письма все дочке поотдавала.

Прибыли муж и я в Казанку. Муж себе пальто какое-то нашёл. А я два года гимнастёрку не снимала, шинель и юбку, как он меня сюда привёз. Мне не в чем было после войны ходить на работу. У родителей дом разбомбили немцы. Ничего моего не осталось. А потом шинель продала за 200 рублей.

- *А когда на войну провожали, крестик или какой-нибудь оберег давали?*

- Нет, мы такие были воспитанные в школе в Рославле. Октябрюта, пионеры, комсомол в техникуме... Я приехала комсомолкой работать в медпункт. Я член партии с 43-го года.

- *Что самое страшное на войне?*

- Идём мы с врачом. Это уже был II Прибалтийский фронт. Идём с ней в Клунях. Идём обратно. «Ася, а ты взяла 6-ую палату?» «Нет» «Беги возьми» Я побежала, вернулась – она лежит. Раненая. Мы её лечили в госпитале. Так она хромая и осталась.

Что самое страшное? В Литве нас не любили, русских. Вот пошёл какой-то... я забыла звание... в парикмахерскую – и не вышел оттуда. Ну не любили нас, стреляли в нас литовцы!

Мне дали после войны побыть в Кенаре 20 дней в санатории. Они с нами и не разговаривают: «Мы по-русски не умеем» Но лечили хорошо. Я говорю: «Я никогда не была в санатории. Как у вас красиво!» «А Вы б посмотрели, как у нас было до немцев! Немцы всё забрали»

Ну и пришла в Митаве на станцию, а идти боюсь. Идти по городу – это ЧП! Стреляли. Сейчас об этом можно говорить.

Вот дай я тебе интересный случай расскажу. У нас был госпиталь. Там до госпиталя был сумасшедший дом... психиатрическая больница. Все окна были зарешечены, все двери, все окна, потолки – всё-всё.

Я ж старшая сестра. Везут к нам раненого – окружённого. Все с винтовками наши. Я говорю: «Кто это за раненый такой?» «Это Вас не касается. Это мы кладём своего

человека. Опасный преступник. Он отсюда не выскочит. Он отсюда не выскочит. А он себе бритвой шею прорезал. А у нас хорошие врачи. Они окажут ему помощь».

Вот он долго у нас лежал. Ходит – и двое бойцов с винтовками: один сидит, другой – за ним. Охраняли. А он всё к одному окну подходил, вот так держал свою бороду. И вот назначили срок выписки. А его нет. Вот что сделали литовцы – ему. В полукруглое окно бросили верёвку или ещё что. Наверно, решётки пилил не один день. Приехала бригада – машина «Чёрный ворон». И сняли с этих бойцов двух и гимнастёрки, и ремни и так увели их. Вот мне их жалко: что ж прозевали его!

- А песни о войне какие Вы пели?

- «Тёмную ночь». А потом Симонова мне «Жди меня» нравится. Народные песни.

Шульженко ещё многое пела...

Я – первый почётный гражданин станицы Казанской. И четверо мужчин. Это в 97-ом году. В декабре в 45-ом мы приехали в Казанку. А работали с 46-го. Нигде нам работы не давали – ни мужу, ни мне. Он устроился в районо, а я работала палатной сестрой. С 50-го по 78-ой работала акушеркой. От Министра здравоохранения благодарность пришла в 1969 году за хорошую работу. Никому тогда не было. Ростовчане приезжали к главврачу, говорили: ни у кого такой хорошей работы не было, поощрите её.

На прощание Анастасия Михайловна прочитала Есенина «Отговорила роща золотая...»

